

Николай ВОРОНОВ

Потаенный Шолохов

Как двадцатитрехлетний парень смог создать потрясающий «Тихий Дон»

Продолжение. Начало в № 137.

НЕЗАДОЛГО до своего семидесятипятилетия Михаил Шолохов встретился в Кремле с генсеком, председателем Президиума Верховного Совета СССР, Верховным Главнокомандующим, маршалом, четырежды Героем Советского Союза, кавалером ордена Победы Леонидом Брежневым.

Переполюх в Кремле

Первые слова, которые Шолохов выкрикнул в благодушно-отупелую ряску обладателя главных советских чинов и наград, были такими: — Когда вы прекратите разрушать страну?!

Ураганный гнев вопрошающего разъярил вседержателя страны. Никто не позволял себе столь «необоснованного» вопроса. Вперехлест обвинениями Шолохова Брежнев погрозил ему, что, хоть он и стяжал всемирную известность и наделен Нобелевской премией, партия и государство найдут на него управу.

Переполюх среди предрержавших вызвало не только явление писателя в Кремль, отличавшееся «вероломными» нападками, но и пропаша одной из магнитофонных пленок (запись велась двумя аппаратами), каковую так и не удалось найти. Ильич-два при всей своей защищенности, однако, заробел, дошло наверняка кое-что, да и говорят о незлобности его характера, потому он и решил захватить в Вешенскую с отдыха из Крыма для вручения Шолохову второй звезды Героя Социалистического Труда, но не тут-то было: Михаил Александрович ответил, что болен и принять его не сможет.

Кто из тогда живших в нашем Отечестве, кроме Шолохова, осмелился бы дать по мозгам правителю? Другого подобного случая не совершилось. Вот вам исполнинская величина Мастера, коего по зависти и ненависти к великому писателю пытаются уменьшить...

Есть ли отгадки того, как сумел парень двадцати трех лет создать первую и вторую книги «Тихого Дона»? Та бурная и многосложная эпоха была синхронизирована нежданного ускорения целенаправленных талантов. К двадцати трем годам Сергей Есенин написал много стихотворений и поэм дивного изобразительного значения для всей русской словесности: «Поет зима — акает...», «Матушка в купальницу...», «Край любимый! Сердцу снятся...», «Калики», «В хате», «Марфа Посадница», «Русь», «Песнь о Евпатии Коловрате», «Иорданская голубица», «Небесный барабанищик», «Пантократор»... В двадцать три года опубликовал необычайную повесть «Яр». К тридцати годам он завершил свой жизненный путь, оставив литературное наследие, пожалуй, не меньше по объему, влиянию и художественному значению, чем у Александра Пушкина. В нашей поэзии ни до него, ни после не было такого звездного необычного лирика!

В двадцать пять лет Леонид Леонов выпустил осененный гением роман «Барсуки». Раньше русская проза не имела романов, сопоставимых с «Барсуками» по многомерности крестьянского бытия, по его трагической зависимости от власти, по уникальному разнообразию деревенских типов. Сочетание в языке автора и народной речи былинного, песенного, симфонического лада на редкость ярко и виртуозно и дает основание говорить о музыкальном волшебстве романа. Не менее значимы «Барсуки» живописью и скульптурностью своих пейзажей, портретов, вещей обихода. Этот роман, по моему разумению, стоит вровень с «Записками охотника» Ивана Тургенева, с «Казачками» Льва Толстого.

Влияние неотделимо от соперничества

Пытаясь осознать творческое развитие Леопова и Шолохова, я не однажды склонялся к предположению, что роман «Тихий Дон» Михаил Шолохов создавал не без влияния романа «Барсуки», столь же неотвратимого, как земное притяжение. Все то, что отличает пластическую сокровищницу «Барсуков», сплестествовало вдохновенной работе Шолохова над «Тихим Доном» и отразилось в его эстетике, в психологии главных героев. Свою приверженность к «Барсукам» Шолохов открыто выдвинул, для пристального наблюдателя, в образах Григория и Аксиньи, вобравших дыхание леоновских образов Степана и Настя-Анастасии, не просто вобравших, но и возвысивших над ними: влияние неотделимо от соперничества. Тут же не могу не подчеркнуть, что пейзажи Шолохова в «Тихом Доне» разносторонней, симфоничной, картинной, чем пейзажи в «Барсуках», и, вероятно, пастозней, к примеру, луна Леопова, после потери Степаном Анастасии сизой черноты, солнце Шолохова, после гибели Аксиньи, черная во взоре Григория. Зависимость от родоначальника способна преломляться метафорическим усилением. И есть еще чрезвычайно важное объединительное сходство в этих романах: сострадание крестьянству, вовлеченному в ураганные катастрофы безжалостных революционных перемен. Главные герои «Барсуков» и «Тихого Дона» были заряжены предчувствием грядущих бедствий русского крестьянства: то, что с ними творили властители в первой четверти двадцатого века, продолжается и теперь, с приходом двадцать первого века...

Предположение еще литинститутской поры, о котором только что говорил (здесь нет подгонки опосредованием), раскрылось для меня отрядным фактом. Не знал и не знаю о том, взаимоотношались ли Шолохов и Леонов. Могли встречаться на секретариатах Союза писателей СССР, на писательских съездах, на сессиях Верховного Совета СССР, но было ли их общение не вскользь, читаемые ли они были друг другом, делились ли соображениями о творчестве друг дру-

га, сего не ведаю. И вдруг Александр Иванович Овчаренко обнаруживает для меня забавно-восхитительный случай.

После избрания в Академию Наук СССР, 1939 год, М. А. Шолохов аккуратно посетил собрания Академии и сектора языка и литературы, потом, в силу разных причин, перестал их посещать, да к тому же (не единственный ли это случай за всю историю советской академии?) отказался от весьма крупных ежемесячных получений, назначаемых пожизненно: коль вовсе не участвует в общей и сектора деятельности, значит не имеет права на академический оклад.

Леонида Максимовича Леонова дважды прокатили на выборах в Академию Наук СССР. И в третий раз он был выдвинут. Както Михаил Борисович Храпченко, заведующий сектором языка и литературы, идет на работу и встречает у подъезда приземистого мужичка, обросшего щетиной, нахохленного, в поношенном плаще. И мужичок грубо спрашивает у Храпченки, где, мол, тут сектор языка и литературы вашей драной академии? Мужичок, надо по-честному сказать, приложил к академии более хлесткое определение. Храпченко железобетонно состоял в чиновниках номенклатуры ЦК партии. Он успел побывать председателем Комитета по делам искусств, министром Кинематографии СССР, сменил главного редактора журнала «Октябрь» Федора Панферова, изгнанного с этого поста партийным решением, наконец, отнюдь не по дарованию и учености, был внедрен в академики и в заведование сектором.

— Вы по какому вопросу? — вежливо отреагировал Храпченко на предрезостное выражение мужичка.

— Вы кто?

— Возглавляю искомый вами сектор.

— Так вот, если в вашу драную академию опять не выберут самого лучшего писателя двадцатого века, я выйду из вашей драной академии.

Мужичок развернулся и ушел. И только тут Храпченко установил для себя, кто с ним изъяснялся диким престономародным образом.

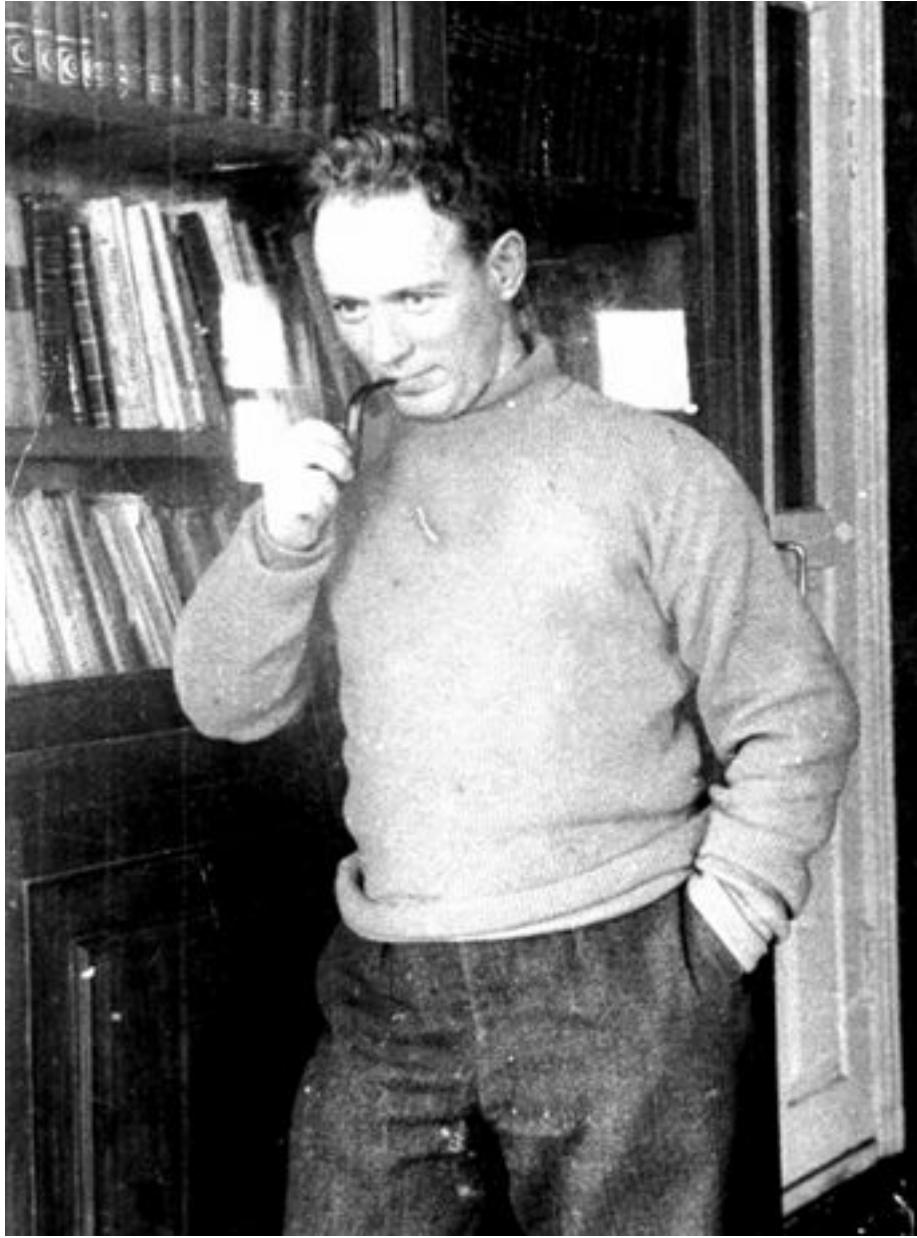
Результат: Л. М. Леонова избрали академиком в 1972 году. На мой взгляд, он был достоин такого избрания еще смолоду, напечатав в 1924 году роман «Барсуки», за четыре года до «Тихого Дона», романы «Вор», 1927 год, «Скутаревский», 1932 год, произведения, необычайные художественности и лингвистической мощью.

Воинская картинность

Декабрь 1949 года. Московская консерватория. Владимир Бушин и я входим по парадной лестнице, ведущей в Большой зал. Неподалеку от картины с изображением композиторов в гостинице «Славянский базар» видим покуривающего Шолохова. Без раздумий и стеснения, сработало что-то вроде неодолимого магнита, идем к Шолохову. Здравствуем, и Володя говорит: Михаил Александрович, мы, дескать, студенты Литературного института и хотим, чтобы вы у нас выступили. Для пушней важности наперед вы ссылаемся на выступление Михаила Пришвина и Александра Фадеева. Он готов выступить, но затрудняется определить день и просит записать столичный телефон.

Мы записываем и прощаемся. Конечно, рады удаче: самого Шолохова заловили. У Владимира Бушина первоначальное впечатление от встречи с Шолоховым в перевернутом. Мне же он запечатлелся воинской картинностью: гимнастерка, приотворен вертикальный воротник, брюки, заправленные в хромовые сапоги, отивающий звонким блеском. Казачий офицер, только без погон. Веяние чистоты и свежести во всем облике. Невольно выводил чистоту и свежесть из душевного и телесного здоровья, обласканного вдохновением. Тоже вдохновением как бы удлинен и отшлифован лоб мыслителя, и выкруглен над лбом вал из золотых-русых волос, и прекрасны пшеничные усы, вытянуто острине на концах. Такими усилиями он наделал себе в крестьянское удовольствие любимых героев. Как точен и великолепен открытый им цвет: желтина зрелой от яркого солнца пшеницы. Впервые мой ум соотносит звукоряд его фамилии ШОЛОХОВ, со звукорядом фамилии МЕЛЕХОВ. И дальше, как молния, ветвится ассоциация: пережитое им самим в гражданскую войну и в близкие к ней годы он передал Григорию Мелехову. Откуда бы взяться в Григории титанической силе метаний, страдания, любви, разочарования, самовозобновления в социальных и личных страстных поисках?!

Действо, посвященное семидесятилетию Иосифа Сталина, совершалось в Большом зале. Председательствовал Алексей Сурков, краснойбай, шеголяющийся оканьем. Он нашел завораживающую лыстовой изощренностью метафору в угоду возвышения стального слога. Великий вожьд народов извлекает из горнила сердца жаропышущее слово и, прежде чем положить его на бумагу, перекидывает в асбестовых рукавицах с ладони на ладонь. До сих пор живу, как Сурков, чуть не переваливаясь через трибуну, показывает Иосифа Виссарионовича, перекидывающего в асбестовых рукавицах жаропышущее слово. Не трудно допустить, что фигура сиропного лукавства поэтического вития покоробила и устыдила Шолохова, и он вдруг, едва Сурков объявил его выступление, промолвил искорженным хрипотой голосом, будто бы не сможет выступить из-за простуды, поэтому его текст прочтет народный артист СССР Царев Михаил Иванович. Царев читал незavidно, тихо и громыхал тренированным басом. Сказывалась хвалебная натужность текста. Ведаю о достижениях генсека, генералиссимуса, председателя правительства, Шолохов ведал и о том, каких уронов, жертв, какой ломки и крови стоило стране всевластие Сосо Джу-гашвили. (Сосланый в Магнитогорск Ломинадзе называл узурпатором по телефону приятельски революционно: Сосо.) До унижения меня огорчило в непрозрачной

речи Шолоховым то место, где он сравнил нашу Родину с орицей, а Сталина с орлом. Я воспринял уклончивость молодого здоровья Шолохова, было ему сорок четыре года, не только как пропал угодничества, но и как порыв смелости.

В 1956 году меня вызвал из Магнитки телеграммой главный редактор журнала «Октябрь» Федор Панферов, чему я шибко удивился. Я всего лишь рассказчик, провинциал, верно, замеченный читаемыми крупными прозаиками и поэтами Константином Паустовским, Павлом Нилиным, Юрием Слешей, Алексеем Кожениковым, Вениамином Кавериним, Владимиром Луговским, Ольгой Берггольц, Петром Сажиним. Но чтобы знаменитый эпический писатель, автор романов «Бруски», «Борьба за мир», «Волга-матушка река» (Как Максим Горький, тоже волгарь), «В стране поверженных» и не менее знаменитый редактор «Октябрь» вдруг заинтересовался мною, тут какой-то перхевал моих уральских благодетелей: Ольги Марковой и Виктора Старикова. Прилетая в Москву. Старое здание издательства «Правды». Иду по коридору к кабинету Панферова, невольно задерживаясь около полураспахнутой двери отдела прозы, откуда слышится добротной звуковой ковки баритон Федора Ивановича. Борзо говорит. Прямо-таки оуплеваю от сравнения, им примененного: крысы до того любят своих детенышей, что нередко зализывают их до смерти; так очерксты Бек и Лоико до того любят рабочий класс, что готовы зализать его подобным образом.

Правда доброго солнца

Вскоре я уже сижу перед Панферовым в его кабинете. Оказывается, Панферов выступал на заседании литературного объединения, единственного в столице при толстом журнале. Федор Иванович — народный человек, государственный, депутат Верховного Совета, живет с думой о писательской смене. Он прочитал верстку моей книжки «Весенней порой», передал ее Семену Бабаевскому, и тот отозвался серьезной рецензией для журнала «Октябрь». Сейчас нападки на Бабаевского: украшатель такой-сякой. А не различают того, что радости и солнца мало в литературе, что она задалена тусклой. Классика — страданий невпоровот, тусклости нет, характеры — поименный луг, на котором разлив травы, цветов, сосновые корчи, выброшенные топляк, ивняки берегом. Шолохов — наш современник, мудрость, каверзы действительности, яркость северных сияний. При всем при том правда меры Льва Толстого. Исхони, с протопола Авакума, первого великана русской прозы, мы тяготеет к правде духовных разломов, к правде войн и адовой тьмы, к правде гонимых, поруганных, сирых, казематных страдальцев. А есть правда доброго солнца, хороховод, свадебных обрядов, полных красоты, многоцветного песенного лада, пиров по завершении сева и уборки урожая, поездок в гости к родне. И есть правда любви и верности, воспитания детей в национальном русле — в строгости, холье, труде, в бойцовских играх и проказливых забавах. Мы — народ-громадина. Это и должно быть мерилом литературы. Прикадываешь это мерило к шепкоперам, наводнившим нашу печать, и не народ-громадину находишь, а жалкий народишко.

Раздались спешно-тревожные звонки междуторного телефона. Панферов давали станицу Вешенскую. Трубку взял сторож. Домашнее и старозаветным уютом повеяло, когда он на спрос Панферова ответил:

— Михаил Александрович ушел в старый курень. Трубки там нету. Панферов прикрыл ладонью решетку мембраны и ко мне:

— Славный Дон-батюшка! — и попросил сторожа: — Мил-человек, сбегай за самим в старый курень. Позарез нужен Миша Федке из журнала «Октябрь».

Великошумного успеха две книги «Бруски» захватывали широтой и дерзостью изображения деревни советского периода. Они предшествовали первой книге «Поднятой целины» не менее многоплановой и оригинальной. Их предтечей был стилистически блистательный и неуклонно бесстрашный роман Леонида Леонова «Барсуки». Он же родословен неповторимостью сельских типов и речевым конюшнячеством по отношению к повести Андрея Платонова «Впрок». Не знаю, что сблизало коренников мужицкой прозы, Панферова и Шолохова, были явны их приязнь, шутейность, взаимная, без зависти примерка в мастерстве.

Сторож не застал Михаила Александровича в старом курене, и Панферов попросил телефоникой повторить Вешенскую через касок-другой. Точно я не запомнил, главы какой веши: то ли романа «Они сражались за Родину», то ли второй книги «Поднятой целины» — привез Шолохов в «Октябрь». Расположение Панферова к Шолохову, проглянувшее из их несостоявшегося разговора, указывало на желание мастера напечатать своего собрата. А то, что Шолохов дал главы в «Октябрь», с тогдашней очевидностью выявляло, что он привез главы на показ смелому главному редактору. Теперь журналисты, телевизионщики, литераторы, да и раньше такие находились, подают Михаила Шолохова как писателя, находившегося под защитой партии и государства. На самом же деле на независимость его слова посягали газетные воротилы, цензура, чиновники отделов культуры, пропаганды и агитации ЦК КПСС. Лезли в творчество Шолохова и вожди. Инструктор ЦК КПСС Игорь Черноуцан, уже пенсионером, рассказывал мне, как ездил по поручению секретаря и члена Президиума ЦК КПСС Михаила Суслова для сокращения в романе «Тихий Дон» мест и фраз, поменьше этим броненепробиваемым «идеологом социализма». Это было после окончания Великой Отечественной войны 1941–45 годов. Заходясь от важности своей минувшей миссии, Черноуцан уже педалировал на два момента: для этой поездки Суслов дал ему личный вагон; классик, благоухая трубачным табаком, не кочеврялся, выслушивая, почему необходимо изъять из текста тот или иной абзац, диалог, ту или иную историческую картинку, психологическую данность. Готовился канонический вариант романа, ибо множился охотники на его переиздание. Черноуцан до того умилялся уступчивостью Шолохова, что мы разругались. Я был убежден, кстаи: существование всеседающего ока сохраняло скрытую авторскую волю и неотразимое влияние Михаила Александровича на издателей: сыграл в поддавки — не значит, что не восстановит прежний вариант. Недавно председатель шолоховской комиссии при Институте мировой литературы им. А. М. Горького Виктор Петелин, прозаик и критик, подтвердил, что послевоенное издание «Тихого Дона» было поуродовано, но автор действительно вернул отданное Суслову, за кем конечно же маячит всевмешательский расу-дук Сталина.

Преемственные ценности

Федор Панферов, была у меня догадка, не просто для знакомства позвал меня: как бы для посвящения в преемственные ценности для отвержения губительных привычек и повадок. Случай помог ему обратиться к примеру Шолохова. Не забурел ни от славы, ни от премий, ни от высоких званий. Другой бы заболел маньей величия, Михаил Александрович — нет. Народная скромность лишена слеси, заносчивости, безразличия, эстетической самоуверенности. И сам Панферов с лихвой был одарен наградами, но не забурел.

Затронул Федор Иванович и общую у нас с Шолоховым задачу: склонность к засто-

лям. Денек пображничали, достаточно бы. Однако не так: нет на нас уему. По Уралу кочевал слух, над которым потешались; якобы Панферов, выдвинутый кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, где-то в стalinградской глубинке на жалобу женщин и девушек, что с них берут налог за бездетность, а война оставила их без мужиков и парней, рубанул: у страны страшные людские потери, надо плодиться, давайте направо и налево. Я не ожидал от Панферова самосуднения. Он более за восстановление народонаселения, был на встрече набузованный, вот и ахнул, как подзаборный хмырь. Вместо пользы — кровная обида девушек и женщин. Михаил так бы не сорвался и во хмело. На меня каких только наветов нет, но на него самый что ни на есть навет изуверский: точно бы он присвоил две книги «Тихого Дона». Да-да, клеветой он изранен, но правота его хранит.

Не повезло Михаилу Шолохову с главным редактором редкой смелости, собратом по удалой совести, высшая духовность которой — народ, его нарицательные типы, многомерность судьбы и проникновение в грядущее: Федора Панферова удалили из «Октябрь» за пьесу «Когда мы красивы» и за эссе «Черепки и черепушки»; магнатствующие чины из власти предрержавших и писательских секретарей не могли простить ему удара по их пресыщенности, равнодушию, идейной фальши, самообережению, не знающему пощад и позабывшему о справедливости.

Во второй половине пятидесятых годов я подружился с критиком Вадимом Соколовым. По натуре он был провинциальным москвичом: негде остановиться — пожалуйста, на удивление щедр, нерасчетлив, вельсеньчак. У Вадима и его жены Кати — неустанный интерес к жизни, культуре, политике, психологии... Родители Вадима — сама доброта, нравственная чистоплотность. Нашу дружбу с Вадимом увязывали любомудрие, похожесть впечатлений на действительность, честно поверяемые ею произведения прозы, поэзии, драматургии, литературоведения... Как-то я не застал Вадима в Москве. Он ездил от «Литературной газеты» вместе с Шолоховым, совершавшим предвыборное турне: Михаила Александровича выдвинули в Верховный Совет СССР. Дела задерживали меня в столице подолгу. Поселялся на двадцатом этаже гостиницы «Украина». Вадим, лишь только вернулся, навещал меня.

Письмо Сталину

Открытием человека, независимо от того, кто он есть: пастух, сталеваар, летчик-испытатель, кристалло-физик, клоун — мы бываем озарены, если наше восхищение неизбытно. Свет личности, осененной гением, был в глазах Вадима Соколова, в облике, в настроении. Ничем он не был разочарован в Шолохове, а вот знанием о нем возвысился. Отец Шолохова занимался торговлей, был книгочеем, имел склон к истории.

О матери. Прискакал отряд белых в станицу, разыскивали активистов, выбребаивая закрюма — продалого. Мать спрятала Мишу в сарай, закидала сеном. Умоляла, что бы ни происходило, не выказывать себя. Хлестали нагайками мать, стремясь дотытаться, где сын. На ее крики не терпелось выскочить из сарая, но улежал, помня ее умоляющий запрет. Приползла в сарай, руки окровавленные, вообще вся иссеченная. Истово благодарила сына, что перенес ее казнь, не бросился на помощь. Давно это было, а все не могло выболеть в сердце страдание матери, и по-прежнему полнилась душа ее самопожертвованным величием.

Петляла по Вешенской аресты. Приближалась угроза к райкому. Начали выдерживать секретаря. Наступал его черед. Написал письмо Сталину. И в столицу. Узналось, что он приехал. Позволил Поскребышев, секретарь Сталина. Уезжай, понадобился — вызовем. Нет, будет ждть. Сидит в гостинице «Москва», никуда не выходит. Заявляется Фадеев, веселый. Что, Мишенька, маешься? Совсем заклек. Едем на дачу в Переделкино. Бабочки прилетят. Что ты, Сааша! Чую, того гляди, пригласят. Ни о чем забота, Мишенька. Разыщут. Едем в Переделкино. Глубоко заполочил Фадеев разбудил его. В подштанниках, с ноги на ногу скачет. Миша, зовут. Я объяснил Поскребышеву: ты вдрызг упитый. Он: ничего, приведем в соответствие. Привезли в Кремль. Холодная ванная, сверлу ледяной душ, наодоколонили, втокнули в кабинет Иосифа Виссарионовича. Смотри на ковровую дорожку, чтоб удержат ровный шаг. Пока дошел до стула на торце стола, приметил — Молотов разубылбас и полз под стол, точно бы завязать шнурки на ботинке. Каганович, длинная спина как стена. Станинчиков углядел. Первый секретарь — полузапрокинута голова, смежные веки, подрагивают, седина на голове так и ослепила. Сталин, в тонких сапогах без подошв, встал по-за станинчиками, спрашивает: за них, мол, вы ручались, Михаил Александрович? За них. А почему? Вы убеждены в их невиновности? Да, Иосиф Виссарионович, убежден в их невиновности. Не заблуждаетесь, Михаил Александрович? Они сознались, что вели подготовку к созданию Донской казачьей республики во главе с президентом Шолоховым. Ваш друг, первый секретарь, подписал обвинение. Сталин завис над первым секретарем Вешенского райкома: подписал, так или не так? Первый секретарь зарыдал. Сталин, скользая в тонких сапожках по-за спинами присутствующих, изрек: «Москва слезам не верит». Первый секретарь вскочил, сбросил пиджак, разорвал рубаху, с плеч долой: «Вот моя подлисть». Спина — лохмотья кожи, кровавые струпы, черные полосы. Сталин пошел к Шолохову: «Говорят, вы пьете?» — «Да разве с такой жизни не запьешь?!» И вешенцев освободили.

Продолжение следует.

Главные герои Леонида Леонова и Михаила Шолохова были заражены предчувствием грядущих бедствий русского крестьянства